

Цинь Чаншэн изумилась. Она прикинула в уме и спросила с недоумением: «Три часа? Но у вас в деревне ведь нет ни лавочки, ни магазинчика, где же вы тогда покупаете самое необходимое — еду, масло, соль?»

Это место оказалось куда глуше, чем она думала. Если до ближайшей дороги идти три часа, то Цинь Чаншэн даже представить не могла, насколько суровой должна быть местность вокруг этой деревни.

До сих пор нет ни нормальной дороги, ни водопровода, единственный электроприбор — лампочка накаливания. Цинь Чаншэн, конечно, знала, что в мире ещё много бедных и отсталых уголков, но когда сама оказываешься в таком месте, потрясение и горечь куда острее, чем при чтении новостей.

Тётушка Чжан лишь усмехнулась: «А как же? Конечно, в посёлок ездим! Места у нас бедные, власти дорогу проводить не хотят, до сих пор даже телефонной линии нет. У Ли Эра на краю деревни аппарат стоит, так тот только для виду!»

Цинь Чаншэн была ошарашена. Увидев её реакцию, тётушка Чжан с гордостью добавила: «До посёлка далеко, зато у нас мул есть! На муле куда быстрее, чем пешком топтать!»

Выражение лица Цинь Чаншэн стало крайне сложным: «.....»

Деревня у подножия горы и впрямь была местом запредельной глухоты и отсталости.

Неизвестно, о чём договорились Цзян Чжунсюэ и тётушка Чжан — то ли сошлись в цене, то ли сказались природная простодушность здешних людей, — но за обедом Цинь Чаншэн отведала настоящей жареной дикой свинины, а после ещё и помогла тётушке Чжан облущить кукурузу.

Тётушка Чжан была женщиной доброй, отзывчивой, хлебосольной и бойкой. За едой она спросила Цинь Чаншэн: «А твоя подружка не придёт обедать? Может, оставить ей в кастрюльке, пусть поест, когда вернётся?»

Цинь Чаншэн замотала головой: «Не надо, не надо. Подруга моя на диете сидит, не ест».

Тётушка Чжан опешила, затем недоверчиво пробурчала: «Девушка видная... На кой ей диета? Эх, городские всё выдумывают».

И сразу же, оживившись, принялась уговаривать: «Кушай больше, кушай! Кабан-то — нашего деревенского охотника добыча, в городе такого не попробуешь!»

Дом тётушки Чжан был двухэтажный. Верхний этаж, дощатый, использовали под кладовку: там лежали припасённые на зиму сухие ветки и поломанный бамбук. Когда Цинь Чаншэн поднималась, деревянные ступеньки предательски скрипели, а на наружных балках были аккуратно сложены кукурузные стебли.

Осторожно ступая по потолще балкам, она выбралась на дощатый настил. В этой деревне дом тётушки Чжан считался высоким. Стоя на полу, Цинь Чаншэн видела внизу огороженный плетнём двор, рядом с которым зеленела бамбуковая роцица. Там важно вышагивала жёлтая курочка, за ней семенила стайка пушистых цыплят, то тут, то там что-то клюющих.

Солнце пригревало, разливая по телу ленивое тепло.

С того самого момента, как её Печать Призрачного Глаза была разблокирована, у Цинь

Чаншэн не выпадало ни минуты, чтобы остановиться и как следует отдохнуть.

А сейчас наступили те редкие часы безмятежности, которых не было вот уже два года.

Цинь Чаншэн слегка поправила одежду и с наслаждением растянулась на сложенных сзади кукурузных стеблях. Запрокинув голову, она щурилась на солнце, наблюдая за цыплятами внизу.

Клан Цинь Призрачного Ока.

Клан Цинь Призрачного Ока — семья, вот уже тысячу лет живущая в древних землях Шу. Унаследованный ими Призрачный Глаз позволял видеть все тёмные сущности.

Идти бок о бок с демонами и духами, вечно быть настороже, чтобы однажды не пасть жертвой соблазна и не превратиться в чудовище, отвергнув человеческую природу.

Все носители Призрачного Глаза кончали плохо.

Такова была конечная судьба их рода.

Цинь Чаншэн подняла руку и сквозь пальцы взглянула на ослепительное солнце, заливающее небесную синь.

Это была судьба её семьи, но не её собственная.

Она непременно найдёт способ сбросить эту ношу, найдёт путь навсегда уничтожить Призрачный Глаз.

Когда Цзян Чжунсюэ снова увидела Цинь Чаншэн, та сидела на корточках, зажав в горсти немного риса, и, прищёлкивая языком, заигрывала с несколькими невинными цыплятами.

Пушистые комочки нерешительно поворачивали головки, с опаской поглядывая на Цинь Чаншэн. Жёлтая курочка тоже была настороже: то подзывала цыплят, то осторожно делала шаг в её сторону.

«Игра в кошки-мышки», — подумала Цинь Чаншэн, наблюдая, как курочка семенит к ней мелкими шажками. Внешне она улыбалась, а внутри просто изнывала от нетерпения.

Курочка делала шаг, оглядывалась, потом ещё шаг — делала вид, будто ей всё равно, но глаз не сводила с белоснежного риса в руке Цинь Чаншэн.

Та сохраняла спокойствие, по-дружески протянув руку с зёрнами. Ноги уже затекли, но какое это имело значение? Чтобы погладить пушистых малышей за спиной у курицы, можно было и потерпеть.

Курочка долго медлила, но наконец неспешно приблизилась. Она вытянула шею, уже готовая клюнуть рис, как вдруг, словно испугавшись, распахнула крылья и шарахнулась прочь.

Цыплята, перепуганные поведением матери, тоже разбежались.

Рука Цинь Чаншэн с рисом так и застыла в воздухе, когда за её спиной раздался ледяной голос Цзян Чжунсюэ: «Что ты делаешь?»

У Цинь Чаншэн ёкнуло в груди. За две секунды она успела перестроить выражение лица и с

наигранным удивлением обернулась: «А, ты вернулась? Так рано?»

Она только пообедала, немного вздремнула, спустилась позабавиться с курицей — а Цзян Чжунсюэ уже здесь.

Цинь Чаншэн думала, та пробудет в отлучке несколько часов, но вышло иначе.

Цзян Чжунсюэ не ответила. Её взгляд упал на горсть риса в руке у Цинь Чаншэн.

«Пропала», — с тоской подумала та, пряча руку за спину. Цзян Чжунсюэ стояла спиной к солнцу, лицо её скрывала тень, и разглядеть выражение было невозможно.

Но Цинь Чаншэн отчётливо чувствовала, будто её лицо прожигают насквозь два лазерных луча.

Под этим взглядом её щёки запылали, и она, собрав волю в кулак, приготовилась к грядущей буре.

Но Цзян Чжунсюэ ничего не сказала.

Она лишь холодно хмыкнула, стоя на месте, развернулась и ушла.

Увидев, что та уходит, Цинь Чаншэн опешила, затем быстро вскочила и послушно засемила следом, тихонько спросив: «Куда ты?»

Цзян Чжунсюэ, не оборачиваясь, бросила: «В комнату».

Цинь Чаншэн промычала что-то в ответ. Цзян Чжунсюэ, всё ещё стоя к ней спиной, окинула взглядом двор и спросила: «Ты за пределы двора не выходила?»

«Нет», — честно ответила Цинь Чаншэн.

Цзян Чжунсюэ никак не отреагировала. Та, следуя за ней, осторожно подобрала слова: «Ты не голодна? Не устала? Что-нибудь обнаружила?»

В это время тётушка Чжан возвращалась с вязанкой хвороста и черпала воду из колодца. Увидев Цзян Чжунсюэ у двери, она сразу же выпрямилась и весело крикнула: «Вернулась?»

Цзян Чжунсюэ едва заметно кивнула, приняв подобающе нейтральное выражение, и направилась к двери. Цинь Чаншэн хотела последовать за ней, но тётушка Чжан тут же ухватила её за руку: «Девонька! У старосты сегодня пир горой, вечером вместе сходим!»

Цинь Чаншэн ахнула и принялась отнекиваться: «А? Нет-нет, тётушка Чжан, мы ведь старосте не родня, да и просто туристы, как-то неудобно навязываться...»

Тётушка Чжан фыркнула и заявила с полной уверенностью: «Какое там навязываться! Зови — иди! Вся деревня идёт! Народу-то у нас мало, вы хоть компанию составите! Лишняя пара палочек — не беда, это ж не нахлебничество!»

Цинь Чаншэн отбивалась ещё долго, но в конце концов сдалась и неопределённо пробормотала согласие. Только тогда тётушка Чжан отпустила её и отправилась разгружать дрова во дворе.

Цзян Чжунсюэ сидела на краю кровати и, услышав, как Цинь Чаншэн входит, резко подняла голову.

Лицо её было холодным и неподвижным, взгляд — отстранённым. Цинь Чаншэн робко переступила порог. Цзян Чжунсюэ смотрела на неё молча.

Некоторое время в комнате было слышно лишь сдавленное дыхание Цинь Чаншэн.

Та ещё не успела заговорить, как Цзян Чжунсюэ произнесла: «Сегодня ночью, когда деревня заснёт, поднимись и пойдёшь со мной на Обрыв».

Цинь Чаншэн кивнула, с необъяснимым облегчением. Цзян Чжунсюэ смотрела на неё, хмурясь, с тёмными тенями под глазами, и добавила: «На Обрыве есть люди».

<http://bllate.org/book/16269/1464169>